

Ю. И. Удалова

Церковная жизнь в лагерях *DP* (перемещенных лиц) на территории Западной Европы в период с 1945 по 1952 год

В статье исследуются глубина и многообразие форм церковной жизни в лагерях перемещенных лиц на территории Западной Европы в период с 1945 по 1952 г. Хронологические рамки обусловлены периодом существования лагерей *DP* на территории Западной Европы, географические рамки ограничены английской и американской зонами оккупации стран Австрии и Германии — территориями, которые включила в себя Берлинская и Германская епархия РПЦЗ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перемещенные лица, лагеря *DP*, остарбайтеры, анти-советские формирования, репатриация, Шляйсгайм, Фишбек, Парш, еп. Рижский Иоанн (Гарклавс), еп. Нафанаил (Львов).

Вторая мировая война 1939–1945 гг. породила уникальное явление, которое в историографии называется временем *DP* — *Displaced Persons* (перемещенные лица). Понятие «перемещенные лица» советский дипломатический словарь трактует следующим образом: «Перемещенные лица — лица, насильно вывезенные в ходе Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования главным образом в качестве дешевой рабочей силы» [*Дипломатический*]. В действительности это понятие, широко раздвинув свои границы, включило куда более обширный слой участников событий. В него вошли вообще все лица, в результате военных действий оказавшиеся за пределами своей исторической родины.

Общие официальные оценки числа российских и советских граждан, попавших к концу войны в Германию и другие страны Европы, колеблются вокруг цифры 7 млн человек, из которых

1 млн — сохранившие статус военнопленных, 1 млн — из числа входивших в различные добровольческие антисоветские формирования и 5 млн оstarбайтеров и беженцев с территорий, находившихся под оккупацией немецких войск во время войны [Попов, 102–103].

Жители западных стран в большинстве своем вернулись домой самостоятельно. Тех же, кто был родом с востока, возвращали на родину органы репатриации, которые часто прибегали к насильственным методам с использованием оружия. По оценкам В.Н. Земскова, которые он делает на основании объяснительных записок репатриантов, среди «восточных рабочих» твердых возвращенцев было не менее 70 %, невозвращенцев — около 5 %, остальные 25 % составляли так называемые колеблющиеся (большинство из них хотели вернуться, но опасались репрессий). Примерно такое же соотношение было и среди военнопленных [Полян, 372]. Но в число перемещенных лиц входили также представители антикоммунистических движений и граждане, добровольно покинувшие оккупированные зоны СССР с отступающими частями германской армии, что существенно меняет выше приведенное соотношение. Принудительной выдачи не избежали в том числе жители Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии и Северной Буковины, а также эмигранты «первой волны» и лица, оказавшиеся на территории СССР в результате расширения его границ в сентябре 1939 г. по договору с Германией, несмотря на то, что они не являлись советскими гражданами.

Правовой основой для насильственной репатриации послужили соглашения между тремя союзническими государствами — Англией, США и СССР, подписанные Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным 10 и 11 февраля 1945 г. на Крымской конференции в Ялте [Советский, 178]. Несколько позже — 13 марта и 29 июня 1945 г. — аналогичные ялтинским соглашения были заключены СССР с Бельгией и Францией. Репатриация проводилась также из других стран Западной Европы: Италии, Швейцарии, Нидерландов, Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии.

Западные оккупационные власти осуществляли репатриацию во взаимодействии с *United Nations Relief and Rehabilitation Administration* — *UNRRA* (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций), учрежденной 9 ноября 1943 г. в Вашингтоне 44 странами, в том числе и СССР. Задача *UNRRA* сводилась к оказанию помощи беженцам и восстановлению экономики

освобожденных стран. Но вопрос *DP* побудил эту международную организацию сосредоточить основные усилия на решении задачи репатриации. 1 июля 1947 г. *UNRRA* сменило другое ведомство, полностью перенявшее ее функции: *International Refugee Organisation — IRO* (Международная организация по делам беженцев). В этой организации СССР уже не состоял.

Западные союзники запланировали создание 1,5 тыс. лагерей *DP*, каждый из которых мог вмещать около 3 тыс. обитателей, но были лагеря, где жили свыше 10 тыс. человек. Самым необходимым для жизни такие лагеря обеспечивали органы местного немецкого самоуправления, союзное командование и *UNRRA*, в функции последней также входил контроль и управление жизнью и деятельностью жителей лагерей *DP*. Вопросы внутреннего распорядка и самодисциплины решали выборные структуры из числа самих *DP*. Выборным был также начальник лагеря.

Согласно исследованиям М. П. Поляна, за период 1945–1952 гг. органы репатриации возвратили на родину 4 767 440 чел., причем основную часть — 4 514 201 чел. — вернули в СССР в 1945 г., в 1946 г. репатриировали 195 273 чел., в 1947 г. — 30 346, в 1948 г. — 14 272 чел. Всего за период 1946–1951 гг. было вывезено 253 239 чел. [Полян. *Депортация, 376–380*]. 1 марта 1953 г. было упразднено Управление по репатриации, которое при этом пережило *IRO*.

Несмотря на эффективность принятых со стороны СССР и западных союзников мер, согласно данным швейцарской газеты «Базельские вести» от 2 октября 1945 г., «в зонах, оккупированных союзниками — победителями гитлеровского Рейха», находилось «приблизительно 1 млн русских, 850 тыс. венгров, 700 тыс. югославян, 80 тыс. балтийцев, десятки тыс. поляков, галлицийцев, евреев, кавказцев и, наконец, фольксдойче из всех славянских стран» [Кузнецов, 155]. Сумев избежать репатриации, они сознательно остались на Западе, пережили все трудности и лишения лагерной жизни, избрав жизнь в эмиграции.

Одну из категорий перемещенных лиц составили священнослужители, оказавшиеся на территории Западной Европы в ходе развернувшейся эвакуации. Многих из них, например, — членов Латвийской православной церкви (ЛПЦ), германские власти вывозили из СССР в принудительном порядке. Подобная политика «выжженной земли», которая включала в себя тотальную эвакуацию мирного населения всех категорий, вывоз материальных ценностей, разрушение всех жизнеобеспечивающих коммуни-

каций, проводилась также в Смоленской, Новгородской и Псковской областях. В то же время, как пишет один из участников Псковской миссии о. Георгий Бенигсен:

...Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы... Мы шли на Запад, зная, что от большевиков нам нечего ждать пощады, зная на этот раз советский режим также хорошо, как немецкий [Бенигсен, 133].

Таким образом, эвакуация для большинства священнослужителей стала началом вынужденной эмиграции.

В результате оттока населения в Западную Европу число православных приходов, храмов и молитвенных домов к 1945 г. только в Германии увеличилось до 80, в то время как в 1941 г. их было 15 [Шкаровский, 284, 287]. Согласно данным архивных материалов РПЦЗ, всего на территории Германии, оккупированной западными союзниками, в 1945–1946 гг. служили 350 православных священников, в австрийской западной зоне оккупации — 32 священника [Кострюков, 112]. В число этих священнослужителей входили и те, кто перешел под юрисдикцию РПЦЗ из Белорусской, Украинской, Литовской православных церквей и Московского патриархата (дело в том, что Белорусская, Украинская автономная и Литовская церкви в годы оккупации входили в юрисдикцию МП). В начале 1946 г. решением Архиерейского синода в состав РПЦЗ без покаяния вошли 12 архиереев, семеро из которых являлись представителями белорусского епископата, и пятеро — членами Украинской православной церкви [Кострюков, 117]. Для некоторых из священнослужителей, оказавшихся в результате эвакуации на территории Западной Европы, РПЦЗ стала юрисдикцией временного пребывания.

Священнослужители, сохранявшие свою юрисдикционную принадлежность, находились с Русской зарубежной церковью в самых добрых отношениях. Как отмечал глава ЛПЦ епископ Рижский Иоанн (Гарклавс)¹, вспоминая годы пребывания в лагерях ДР, они пребывали в молитвенном общении, «сохраняя свое внутреннее

1. Епископ Иоанн (Гарклавс) во время Второй мировой войны активно помогал Патриаршему экзарху Прибалтики Литовскому и Виленскому митр. Сергию (Воскресенскому), который хиротонисал его 28 февраля 1943 г. во епископа Рижского. Еп. Иоанн добился от немецких властей права

служить в лагерях советских военнопленных (до введения ими полного запрета). В конце лета — начале осени 1944 г. временно исполнял обязанности управляющего Экзархатом. В сентябре 1944 г. по приказу немецкого командования был отправлен в Германию.

административное управление», понимая, что в тяжелое для всех время это не место для всякого рода разделений [Гаврилин, 252]. По сведениям Синода ЛПЦ, из 30 священнослужителей, покинувших Латвию в период 1944–1945 гг., к началу 1947 г. вокруг еп. Иоанна осталось только 12. Эта группа окормляла 18 приходов, находившихся в лагерях DP американской зоны оккупации, с общей численностью прихожан 2 800 человек, в то время как всего на территории Баварии размещалось 93 лагеря, в которых проживало 30 690 жителей Латвии [Гаврилин. Латвийские, 44, 107].

Центров сосредоточения духовной жизни на территории Германии было два, один из них — баварский город Мюнхен, где с апреля 1946 г. размещался Архиерейский синод во главе с митр. Анастасием (Грибановским). Вторым по праву можно считать Гамбург, расположенный в северной части Германии, о чем будет сказано ниже.

К лету 1945 г. в Мюнхен из Зальцбурга переезжает Синодальная канцелярия РПЦЗ с главой Германской епархии митр. Серафимом (Ляде) [Кострюков, 118]. К этому времени в Мюнхене и его окрестностях насчитывалось 14 православных приходов, семь из которых были лагерными. Один из крупнейших располагался в Шляйсгайме. В окрестностях Мюнхена существовало два лагеря под названием «Большой и Малый Шляйсгайм», клирики, служившие в этих лагерях, тесно взаимодействовали между собой. В состав причта только из числа священников входили три митрополита, два архиепископа и 22 пресвитера, что объясняется прежде всего тем, что в период 1945–1952 гг. после утраты кафедрального собора в Берлине его роль выполнял лагерьный храм во имя Архангела Михаила. Митрополит Пантелеимон (Рожновский) (БПЦ)² проживал в лагере, служил в Малом Шляйсгайме и являлся настоятелем лагерьного храма в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Вместе с ним в этом же храме служил епископ Венедикт (Бобковский)³, член Архиерейского синода РПЦЗ. Еще в 1941 г. он был хиротонисан во епископа Брестского и назначен

2. Митрополит Пантелеимон (Рожновский) имел богатый опыт борьбы за православие в условиях польской и немецко-фашистской оккупации. Закончил миссионерские курсы Казанской духовной академии. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. Хиротонисан во епископа в 1913 г. В годы немецкой оккупации возглавлял Белорусскую православную церковь, и отстаивал единство с Московской патриархией.

3. Епископ Венедикт (Бобковский) рукоположен в 1905 г. Служил военным священником во время Первой мировой войны. В 1937 г. принял монашеский постриг, тогда же возведен в чин архимандрита и назначен настоятелем Свято-Успенского мужского монастыря в Жировицах (до 1939 г. — территория Польши, которая потом вошла в состав СССР), где началась его глубокая, неразлучная дружба с владыкой Пантелеимоном.

викарием к митр. Пантелеимону, с которым и оставался до конца его дней⁴. Два других митрополита — Анастасий (Грибановский) и Серафим (Ляде) — в лагере не жили, но регулярно приезжали для проведения богослужений в Большом Шляйсгайме. Что касается белого духовенства, служившего в лагере, то из 22 священников на его территории проживали 12 [Корнилов, 90].

В Большом Шляйсгайме действовало два храма — основной, во имя Архангела Михаила, и при гимназии, носивший имя прп. Иова Почаевского. Настоятелем Архангельского храма с осени 1945 г. являлся архиеп. Пантелеимон (Рудык) (УПЦ)⁵, в июне 1948 г. в связи с его отъездом в Аргентину храм возглавил еп. Димитрий (Маган) (УПЦ) [Корнилов, 25]. Причтом гимназической церкви руководил прот. Василий Бошановский⁶, а с августа 1949 г. — еп. Григорий (Боришкевич)⁷.

После разгрома немецких войск Гамбург со всей северной частью Германии вошел в британскую зону оккупации. Устроение духовной жизни здесь складывалось во многом благодаря усилиям двух монахов. Эмигрант «первой волны» архим. Нафанаил (Львов) прибыл в Гамбург вместе с иером. Виталием (Устиновым) из Берлина, где они служили последние месяцы войны в кафедральном соборе; оба являлись служителями монастыря прп. Иова Почаевского в Ладомировой (Словакия)⁸. В мае 1945 г. Архиерейским синодом РПЦЗ архим. Нафанаил был назначен управляющим Северо-германским викариатством, которое насчитывало 19 приходов.

4. Митрополит Пантелеимон скончался 30 декабря 1950 г. в Мюнхене, отслужив накануне в Большом Шляйсгайме свою последнюю литургию.

5. Архиепископ Пантелеимон (Рудык) с 1925 г. был настоятелем Георгиевского храма во Львове и благочинным нескольких галицких приходов, возвратившихся из унии. Он открыл школу для просвещения униатов. С 1933 г. — наместник Почаевской лавры, где создал богословскую школу для иноков. В марте 1941 г. хиротонисан во епископа Львовского. С декабря 1941 г. по июль 1943 г. служил в Киеве на правах управляющего Киевской епархией. Был принудительно эвакуирован на Запад и вошел в состав РПЦЗ. В 1957 г., спустя 9 лет после своего отъезда из Германии, вышел из состава РПЦЗ, вернувшись в лоно Русской православной церкви Московского патриархата.

6. Протоиерей Василий Бошановский принадлежал старому дореволюционному поколению духовенства. Окончил Киевскую духовную академию. Рукоположен в 1897 г. В 1920 г. был законо-

учителем Донского кадетского корпуса. Монархист по убеждению, не принял советскую власть и в октябре 1920 г. эвакуировался в Сербию, где также состоял законоучителем русских кадетских корпусов и Донского русского девичьего института. В сентябре 1944 г. был эвакуирован в Германию.

7. Епископ Григорий (Боришкевич) окончил Казанскую духовную академию, рукоположен в 1916 г. С января 1939 г. был настоятелем Покровского собора в Гродно. В октябре 1943 г. хиротонисан во епископа Гомельско-Мозырского автономной Белорусской церкви.

8. В 1923 г. в Словакии было создано миссионерское братство, которое занималось издательской и просветительской деятельностью. В годы нацистского режима это был крупнейший центр по изданию печатной продукции духовного содержания. В июле 1944 г. в результате военных действий большая часть насельников, в числе которых были архим. Нафанаил и иером. Виталий, покинула обитель.

Основным местом служения о. Нафанаила был расположенный в Гамбурге храм во имя прп. Прокопия Устюжского, настоятелем которого являлся о. Стефан Ляшевский⁹. При этом храме усилиями обоих монахов в 1946 г. было создано братство прп. Иова Почаевского [*Зайде*]. С именами о. Нафанаила и о. Виталия связано устройство церковной жизни в лагере Фишбек, где находилось около двух тысяч человек — беженцы с территорий Белоруссии, Украины и России [*Нафанаил*, 524]. В лагере был сооружен храм во имя Успения Божьей Матери, настоятелем которого стал игумен, а затем архимандрит, Виталий (Устинов).

Принадлежность настоятеля лагерного храма к монашеству во многом повлияла на организацию богослужebной жизни лагеря, был установлен суточный круг богослужения [*Нафанаил. Воспоминания*, 3]. Для проведения церковных служб нужны были помощники, о. Виталий (Устинов) организовал в лагере курсы псаломщиков. Архимандрит Нафанаил не жил в лагере, но часто приезжал к о. Виталию, и они вместе служили. В сентябре 1946 г., после хиротонии архим. Нафанаила в епископа Брюссельского и Западноевропейского, северогерманскими приходами стал управлять еп. Афанасий (Мартос)¹⁰, также посещавший лагерь Фишбек для совершения богослужений. Из воспоминаний владыки известно, что в 1946 г. в лагерях возглавляемого им викариатства в его подчинении находилось 25 священников и 5 дьяконов [*Корнилов. На службе*, 30].

На австрийской территории центром сосредоточения десятков тысяч перемещенных лиц становится расположенный в 150 км от Мюнхена город Зальцбург, в результате чего в его окрестностях возникает несколько лагерей *DP*. Одним из самых крупных был лагерь Парш, где жили около 10 тыс. человек. Настоятелем большого лагерного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы являлся эмигрант «первой волны», выходец из дворянского рода прот. Феодор Раевский¹¹. Именно он внес весомый вклад в орга-

9. Протоиерей Стефан Ляшевский был родом из Таганрога, получил образование инженера-геолога, в 1936–1939 гг. находился в сталинских лагерях, в 1943 г. в Таганроге был рукоположен в сан иерея. Оказавшись в результате эвакуации в Гамбурге, о. Стефан с ноября 1945 г. раз в месяц служил литургию на немецком языке.

10. Епископ Афанасий (Мартос) принял постриг в 1927 г., еще будучи студентом Варшавского университета. Имел степень магистра богословия. В марте 1942 г. хиротонисан во епископа Витебско-

го с поручением временного управления Новогрудской епархией.

11. Феодор Раевский в 1916 г. окончил юридический факультет Императорского Варшавского университета. Эмигрировал из России в 1920 г. В 1931 г. закончил богословский факультет Белградского университета и преподавал Закон Божий в эвакуированном Харьковском женском институте благородных девиц. В 1946 г. возведен в сан протоиерея.

низацию приходской жизни не только лагеря Парш, но и других австрийских лагерей ДР. Больше года о. Феодор, имевший наградой только набедренник, фактически возглавлял Австрийскую епархию [Корнилов. *На реках*, 11]. Помимо основного Покровского храма службы проходили также в больнице и гимназии, расположенных на территории лагеря [Тальберг, 5].

Наряду с будничными в лагерях ДР совершались и праздничные богослужения, Рождество Христово и Пасха, как правило, отличались особой пышностью и максимальным количеством участников как со стороны духовенства, так и со стороны православных жителей. Готовились к ним заблаговременно, украшали храм и территорию лагеря. В журнале «Православная Русь» за 1951 г. мы находим свидетельство о непрерывных служениях в одном из лагерей на первой, Крестопоклонной и Страстной седмицах Великого поста [Ценный, 15]. В сообщении не указано название лагеря, вероятнее всего речь идет о Малом Шляйсгайме, поскольку упоминается имя архиеп. Венедикта, служившего там. Можно предположить, что такие же богослужения совершались и в Большом Шляйсгайме. Великим постом ежедневно служили в лагере Менхегоф, расположенном под Касселем, где настоятелем Благовещенского храма был прот. Митрофан Зноско-Боровский [Митрофан, 194]. Пасхальная служба в лагерях, как правило, сопровождалась крестным ходом с несением креста, хоругвей и иконы Воскресения Христова, пением тропарей церковным хором и всеми присутствующими, трезвоном импровизированной колокольни и трехкратным целованием молящихся [Навроцкий, 5–7].

Не менее значимыми для перемещенных лиц были праздничные богослужения, проходившие по случаю приезда в лагерь митр. Анастасия с иконой Божьей Матери Курской-Коренной. Такие объезды лагерей ДР с этой иконой владыка совершал регулярно. Праздничными эти богослужения делали не столько визиты главы РПЦЗ, сколько появление в лагере самой иконы. Именно она становилась центром внимания всех молящихся, к ней были обращены сердца православных жителей лагеря. История этой иконы, начиная с XIII в. (время татарского ига), связана с важнейшими событиями в жизни русского народа (освободительная война против польско-литовского нашествия 1612 г., Отечественная война 1812 г.). Покинув Россию в 1920 г. с войсками Белой армии, сражавшимися в Крыму с большевиками, она стала своего рода «Одигитрией» (Путеводительницей) Русского рассеяния. После Божественной литургии и краткого молебна

возглавляемый духовенством крестный ход, неся перед собой чудотворный образ, обходил весь лагерь, заходя в каждый барак, где также кратко служился молебен [*Поездка*, 62–64]. Как правило, икона оставалась в лагере еще несколько дней. В пределах американской оккупационной зоны такие же поездки с Тихвинской иконой, по преданию также ставшей покровительницей беженцев, совершал еп. Иоанн (Гарклавс).

Условия проживания перемещенных лиц в лагерях *DP* везде были тяжелые, но с точки зрения бытового устройства отличались друг от друга. Лагерь Парш был организован на базе уже существовавшего лагеря, построенного еще во время войны для «фольксдойче». Гангхоферзидлунг в Регенсбурге ранее представлял собой поселок для немецких рабочих. Но чаще всего такие лагеря (в частности, Шляйсгайм, Келлерберг, Менхегоф) оборудовались на базе бывших казарм Вермахта или лагерей для военнопленных, где были крайне тяжелые условия проживания — «невзрачные досчатые бараки», в которых не было ни столов, ни табуретов, ни кроватей, а лишь «голые, картоном обитые, стены» [*Навроцкий*, 5]. Несмотря на это, тяга к духовной жизни побуждала людей заботиться о выделении и благоустройстве помещения для молитвы. Вначале такие храмы или часовни, по словам прот. Сергия Гарклавса¹², были очень скромными, но дух, который царил там, спланивал людей в «единое братство», обращая их мыслями к временам раннего христианства [*Гарклавс*, 90]. На наш взгляд, более точно существовавшую в тот период времени реальность отобразил в своих воспоминаниях бывший житель лагеря *DP* Дмитрий Мицкевич, который написал, что церкви объединили эмигрантов «практической солидарностью», в которой «неповторимая сосредоточенность энергии и способностей» привела к слиянию людей в «уникальную общину» [*Гарклавс*, 90].

Более полное представление о богослужбной жизни могут дать молитвы ее участников. Единая молитва неотделима от единства жизни, она становится отражением ее духа и смысла. Трудности и испытания, страх насильственной репатриации в СССР, надежда на благополучный исход во многом определили

12. Протоиерей Сергей Гарклавс был приемным сыном Рижского еп. Иоанна (Гарклавса). Он выехал из Риги в Германию с еп. Иоанном летом 1944 г. и фактически являлся «телохранителем» чудотворной Тихвинской иконы. Рукоположен в 1957 г.

единство жизни перемещенных лиц. Житель лагеря Келлерберг лейтенант Русского корпуса А. А. Навроцкий вспоминает:

Мы молились, как умели, о спасении России, о наших близких и о нашей собственной судьбе [*Навроцкий, 7*].

Большинство из них верило в возрождение дореволюционной монархической России. В своих молитвах они вспоминали убиенного императора Николая II, что видно из доклада настоятеля храма прот. Владимира Востокова, адресованного начальнику русского лагеря Кемптен генерал-лейтенанту Ф. Данилову:

Вы предупредили меня, чтобы я убиенного Государя Императора в заупокойной по нем молитве не называл Императором, а только рабом Божьим Николаем [*Доклад, 142*].

Документ был написан в августе 1945 г., за день до насильственной выдачи советским властям американской военной полицией около двухсот ДР. Именно эта надвигающаяся угроза вызвала предостережение со стороны начальника лагеря.

Вопрос выдачи волновал перемещенных лиц всех национальностей, но особенно русских. Трагическую дату 1 июня 1945 г. РПЦЗ поминает до сего дня. В тот день из лагеря Пеггец близ австрийского города Лиенца, население которого составляло около 28 тыс. человек, британские власти выдали советским союзникам свыше 25 тыс. казаков. Из воспоминаний Н. А. Дубиной известно, что в этот день священники (их имена установить не удалось) вышли с хоругвями, чтобы прямо на площади отслужить литургию. Казаки, взявшись за руки, стояли позади и молились. В ходе выдачи священников избили, кого-то увезли, стол с дарами для причастия опрокинули [*Дубина, 508–509*]. Не желая стать жертвами репрессий со стороны советских властей, около 700 казаков застрелились, а еще около 600 человек, в основном женщины и дети, приняли смерть в водах реки Дравы.

Случаи самоубийств повторились 12 августа 1945 г. в Кемптене, 19 января 1946 г. в Дахау, 24 февраля и 13 мая 1946 г. в Платтлинге и в других лагерях ДР. Приняв во внимание обстоятельства, которые вынудили людей пойти на отчаянные меры, митр. Анастасий даже разрешил отпевание самоубийц — уникальный случай в истории церкви — сказав, что «их действия ближе к подвигу святой Пелагеи Антиохийской, выбросившейся

из высокой башни, чтобы избежать поругания, нежели к преступлению Иуды» [Корнилов. *Духовенство*, 8].

Священники были одними из немногих, кто в эти трагические минуты сохранял самообладание и не терял присутствия духа. В день выдачи население Кемптена собралось в лагерной церкви, где была отслужена литургия. В храм ворвались американские солдаты и потребовали, чтобы все эмигранты, подлежащие выдаче, покинули здание. Из 700 жителей лагеря репатриации подлежали 410 человек. В этот момент о. Василий Боцановский обратился к «старым» эмигрантам с просьбой не оставлять своих братьев и сестер, «морально поддержать в этот невыразимо мучительный для них час. <...> ...Не покинем их, присоединимся к ним, будем вместе молиться Богу... Будем молиться, а не требовать!..» [Русская, 139]. Но расправа все же состоялась, «страшная и жестокая». В результате проведенной акции храм сильно пострадал, о чем известно из акта о разгроме лагерной церкви, который подписала специально созданная комиссия [Акт, 145–146]. В состав комиссии вошли начальник и комендант лагеря, настоятель храма, церковный староста и 7 членов приходского совета. Кроме о. Владимира Востокова, участниками этих событий были прот. Евгений Лызлов и прот. Василий Боцановский, которые также служили в этом храме. В 1947 г. все три священнослужителя вошли в церковный причт лагеря Шляйсгайм.

Священнослужители оказывали не только духовную поддержку тем, кому грозила репатриация. Решительные, четкие и слаженные действия, великолепное знание английского языка и беспримерное мужество архим. Нафанаила (Львова) и иером. Виталия (Устинова) позволили спасти от насильственной репатриации 618 человек — полный состав лагеря Кверкамп — с помощью их перевода в польский лагерь Венторф [Пашин, 237–271]. Они рисковали, что их самих выдадут советским органам, но оставались со своей паствой, готовые до конца разделить судьбу тех, кому пытались помочь. Осенью 1945 г. все «русские обитатели» польского Венторфа получили свой лагерь Фишбек. При этом уже в лагере о. Виталий оформлял поддельные паспорта, продолжал помогать бывшим советским гражданам в борьбе за сохранение статуса *DP* в надежде на дальнейшее расселение. По свидетельству заместителя главного редактора издательства «Посев» Владимира Самарина 1,5 тыс. человек, проживавших в лагере Бергедорф «на птичьих правах», получили документы, «несколько упрочившие их положение» [Самарин, 6–7]. На все попытки

представителей английского командования поставить под сомнение законность таких документов о. Виталий отвечал: «Наш храм официально признан здешними английскими властями, а бумаги с нашей печатью обладают силой документа» [Пашин, 260].

Свидетели тех дней вспоминают, как о. Виталий разъезжал в рясе на мотоцикле и доставал документы для тех, кто не хотел возвращаться в СССР. «Однажды он даже лег на пути грузовика, вывозившего ДР на выдачу, и сумел предотвратить расправу!» [Соколова].

Спасал православных беженцев от насильственной выдачи и еп. Афанасий (Мартос). Через священников своего викариатства он выдавал метрики, в которых значилось, что человек родился до начала Второй мировой войны не на территории Советского Союза, а в любой другой стране, что давало право бывшим гражданам СССР не возвращаться на историческую родину [Корнилов. На службе, 31]. Духовенство лагеря Менхегоф также участвовало в защите прав и спасении бывших советских граждан от выдачи их «красному молоху», несмотря на то, что члены UNRA неоднократно их предупреждали о невыполнении требований содействия делу репатриации. Огромную помощь в этом деле им оказывал митр. Анастасий (Грибановский) [Митрофан, 192].

Помимо пастырского попечения священнослужители уделяли большое внимание духовному просвещению. В лагерях регулярно проводились просветительские беседы. В Фишбеке, Пасинге, Шляйсгайме были организованы христианские кружки, в Менхегофе, Шляйсгайме, Фишбеке, Гангхоферзидлунге и в других лагерях созданы типографии, где издавались молитвословы, акафистники, печатные листки и другая православная литература, которая способствовала распространению и укреплению православной веры. В лагере Герсбрук по благословению еп. Рижского Иоанна прот. Николай Виеглайс подготовил к изданию духовно-просветительский сборник «Тихое Пристанище», в который вошли отдельные статьи, проповеди, богослужебные тексты, поучения святых отцов, рассказы, стихотворения и другие материалы. Многие из бывших священнослужителей Латвийской православной церкви, например, прот. Иоанн Легкий, прот. Алексей Ионов, прот. Георгий Бенигсен и другие входили в штат клириков Псковской миссии и весь свой опыт и знания реализовывали в лагерях ДР.

Уникальный опыт духовного просвещения накопили в лагере Фишбек. Архимандрит Виталий (Устинов) организовал в нем

курсы псаломщиков, Высшие пастырско-богословские курсы, на которых обучались 12 юношей, создал иконописную мастерскую [*Нафанаил*, 523] и даже собрал из жителей лагеря «небольшую монашескую братию». Такое устройство церковной жизни не могло остаться бесплодным, в лагере был совершен ряд хиротоний. В 1946 г. еп. Нафанаил рукоположил в сан иерея дьякона Николая Успенского — одного из преподавателей курсов псаломщиков. Приняли сан и двое других наиболее активных мирян — Сергей Сергеевич Щукин, который уделял много внимания духовному воспитанию молодежи, и представитель дворянского рода Георгий Александрович Шереметьев. Каждый из них в свою меру осуществлял пастырское попечение, оставаясь служить в Фишбеке.

Особое внимание в лагерях *DP* уделялось духовному просвещению и воспитанию детей и молодежи, что в большой степени легло на плечи активных мирян, в основном представителей «первой волны» эмиграции, выходцев из дворянских сословий, имеющих прекрасное образование — они составляли немалую часть *DP*. Во многих лагерях открывались школы и гимназии, которыми управлял учебный комитет, возглавляемый директором. В некоторых лагерях *DP* помимо основного храма при гимназии создавали отдельный храм со своим настоятелем, как, например, в Шляйсгайме¹³, или походные церкви, как в Парше¹⁴ или Гангхоферзидлунге [*Аристова*, 36]. Учебный год начинался и заканчивался молебном. Перед занятиями совершалась утренняя молитва, проходившая при непосредственном участии учеников, которые за богослужением читали «Царю Небесный...», с Трисвятого по «Отче наш...», отрывки из Евангелия и «краткую молитву Богородице» [*Аристова*, 209]. Одним из обязательных предметов, входивших в учебную программу, был «Закон Божий». Начинался урок с молитвы, которую читал дежурный по классу. На этих занятиях учеников знакомили со Священным писанием, разбирали с ними декалог, разъясняли смысл богослужения, они заучивали некоторые молитвы.

13. В Большом Шляйсгайме, помимо Михайловского, действовал еще один храм при гимназии, носивший имя прп. Иова Почаевского. В число его прихожан входили главным образом учащиеся и преподаватели. Настоятелем этого храма с июня 1945 г. по август 1949 г. был эмигрант «первой волны» прот. Василий Боцановский, а после его

отъезда в США настоятелем гимназической церкви и законоучителем гимназии стал еп. Григорий (Боришкевич).

14. В этом лагере в школьном бараке была устроена походная церковь во имя свт. Николая, настоятелем которой стал о. Даниил Думский.

Общение духовенства с детьми и молодежью не ограничивалось рамками школьной или гимназической программы. В дополнение к урокам «Закона Божия» с ними беседовали, читали жития святых, разучивали церковные песнопения, изъясняли смысл и значение святых таинств и православных обрядов. В некоторых лагерях дети активно помогали в подготовке и проведении храмовых богослужений. Один из принципов духовного воспитания детей и молодежи сформулировал прот. Георгий Бенигсен. На Первом съезде педагогов в мае 1946 г. в Фюссене он сказал:

...Нельзя превращать христианство из цели в средство. Его надо рассматривать в аспекте вечности [*Гаврилин. Латвийские, 297*].

Школьников в лагерях *ДР* старались развивать всесторонне: не только воспитывали в православной вере, но и знакомили с национальной культурой и традициями. Обширная внеклассная программа включала экскурсии, тематические беседы, показ научных фильмов, в школу приглашали лекторов, артистов. Ученики имели возможность посещать музыкальную школу, литературный клуб и различные кружки, где замечательные педагоги давали уроки танцев и актерского мастерства. В лагере регулярно проводились музыкальные, литературные и танцевальные вечера, концерты, ставились различные спектакли; иногда с концертом выезжали в соседний лагерь.

Много времени и сил уделялось работе с молодежью. В лагерях возникали художественные и иконописные мастерские, открывались типографии, организовывались христианские кружки. Самое деятельное участие молодежь принимала в вопросах благотворительности. Наиболее распространены были сестричества и курсы сестер милосердия, молодежь помогала распределять среди нуждающихся продукты питания и одежду, оказывать медицинскую помощь, заботиться о больных. В 1945 г. центром взаимодействия детей и молодежи многих лагерей *ДР* в Австрии и Германии стала созданная в Мюнхене усилиями о. Александра Киселева благотворительная организация — Дом «Милосердный Самарянин». Сам о. Александр (в довоенные годы — один из руководителей РСХД в Эстонии) был назначен настоятелем созданного при Доме храма во имя прп. Серафима Саровского. В «Милосердном Самарянине» действовали гимназия, детский сад, амбулатория, иконописная

мастерская, отделы социальной помощи и внешкольной работы с молодежью, издательство учебников и книг духовного содержания и книжный магазин, курсы сестер милосердия. В Доме работала дешевая столовая, ночью он становился «ночлежкой» для русских беженцев, не имевших статуса *DP*. При создании этой братской организации о. Александр ставил еще одну задачу — возобновление деятельности Русского студенческого христианского движения (РСХД) на территории Германии. В Доме «Милосердный Самарянин» с 4 по 6 ноября 1945 г. прошел съезд руководителей Организации русских скаутов, по решению которого они стали именоваться Организацией российских юных разведчиков (ОРЮР). В рамках своей деятельности в лагерях *DP* ОРЮР организовывала летние лагеря, проводила одно- и двухдневные походы, где скауты знакомились с природой, изучали ее явления, учились ориентироваться на местности, практиковались в оказании первой медицинской помощи. Большое внимание в духовном воспитании молодежи уделялось хранению памяти имен «разведчиков и руководителей, погибших за Россию» [Полчанинов, 279]. В целом воспитательная работа в скаутском движении основывалась на принципах верности Богу, Православной церкви и Родине.

Общая жизнь предполагала обретение единства церковной жизни, поэтому верующие в большинстве лагерей *DP* объединялись в православные общины. Порой они создавались по национальному признаку, тогда в одном лагере могло быть несколько общин. Таким примером может служить лагерь Гангхоферзидлунг под Регенсбургом, в котором одновременно существовало три общины: русская, украинская и белорусская [Аристова, 137]. В некоторых лагерях рождались смешанные общины, как, например, в Ганау. Из «Вестника храма Святого Воскресения» мы узнаем, что в этом лагере община, насчитывающая «до ста с лишним человек», объединила в себе «все народности православного вероисповедания» [С нами, 19]. Во главе каждой общины стоял председатель и члены церковного совета, избираемые жителями лагеря путем голосования. Как правило, председателем общины становился настоятель лагерного храма, но им также мог выступать и мирянин. Число православных, входивших в ее состав, могло быть различным.

Приходские советы в лагерях *DP* были широко распространены, но встречались и исключения. Епископ Митрофан (Зноско-Боровский) в своих воспоминаниях пишет:

Не было у меня и так называемого «приходского совета» — этого дермо-кратического нароста, избираемого общим собранием. Верующие в храме после Литургии избирали старосту и казначея, и они были моими постоянными помощниками и советниками [*Митрофан, 191*].

При возникновении какого-либо вопроса, касающегося жизни прихода, о. Митрофан приглашал сведущего человека, который становился членом приходского совета до окончательного разрешения проблемы. Таким образом, его состав постоянно менялся. Этот опыт не остался незамеченным: митр. Серафим (Ляде) и митр. Анастасий (Грибановский) встретились и пообщались с прот. Митрофаном, в результате оба архипастыря согласились с его позицией. Такое отношение к приходскому совету не было связано с каким-либо разладом в жизни прихожан. Протоиерей Митрофан в своих воспоминаниях отмечал:

Несмотря на разношерстный состав жителей, лагерь представлял собой дружную христианскую семью [*Митрофан, 197*].

В большинстве случаев духовенство и миряне старались объединять свои усилия в устроении церковной жизни в лагерях. В июле 1946 г. в Мюнхене даже состоялось совещание приходских священников и представителей мирян из всей епархии, на котором обсуждались вопросы, «связанные с устройством православных церковных общин в американской оккупационной зоне Германской Православной епархии» [*С нами, 19*]. Одной из задач приходского совета было распределение материальных средств в рамках своего прихода, кому и в каком объеме оказывать благотворительную помощь. При этом вопросами благотворительности занимался не только приходской совет. Имеется немало свидетельств о создании в лагерях церковных сестричеств, члены которых ухаживали за больными, помогали одиноким и престарелым жителям лагеря, распределяли гуманитарную помощь, приходившую от тех, кто выехал за пределы Германии или Австрии. В марте 1948 г. в Мюнхене был создан «Союз сестер милосердия Российского Общества Красного Креста».

Несмотря на сложнейшие условия лагерной жизни, бывшие ДР впоследствии с теплотой вспоминали свою жизнь в разоренной послевоенной Германии и Австрии. В письме еп. Иоанну (1949 г.) говорится, что они только в Австралии «поняли, насколько мы были богаты в Германии... а тут, где изобилие телесной пищи, тут

мы ужасно бедны духовно» [Гаврилин. *Латвийские*, 73]. Даже после отъезда с территории Германии священнослужители не прекращали заботиться о тех, кто еще ожидал своей участи в лагерях. Сразу же после приезда о. Леонида Ладинского в США еп. Иоанн (Гарклавс) назначил его секретарем Благотворительного комитета Северо-Американской митрополии (САМ). В первой половине 1950-х гг. эта организация в основном занималась помощью ДР. Так, только в 1952 г. ей удалось собрать и отправить в расположенные на территории Германии лагеря для перемещенных лиц 251 посылку [Гаврилин. *Латвийские*, 115].

Тем не менее о. Михаил Помазанский в декабре 1946 г. так оценивал деятельность православного духовенства в личном письме о. Митрофану Зноско-Боровскому:

А по существу все-таки нет полного удовлетворения, потому что кажется, что за эти два-три года мы должны были что-то большее сделать, что у нас не выработано ни организации, ни планов работы, и на случай, если бы нас где-нибудь поселили большими группами, — лагерная масса останется вне Церкви [Митрофан, 190].

Похожую характеристику он дает деятельности Миссионерского комитета, в состав которого они оба входили: «...нет пока ничего такого конкретного, о чем можно говорить» [Митрофан, 190].

Высказывания прот. Михаила свидетельствуют о том, что духовный настрой православного духовенства РПЦЗ находился не на должной высоте. Тем ценнее труды еп. Афанасия (Мартоса), который устраивал в своем Северогерманском округе ежегодные пастырские конференции, продолжавшиеся по пять дней, на которых профессора И. Н. Андреевский, И. Н. Шумилин, пастор Шмидт читали лекции по богословским предметам, а лекции о пастырстве читал сам владыка [Корнилов. *На службе*, 30]. Для возгревания «духовной настроенности и пастырской ревности» еп. Афанасий проводил также ежегодные пастырские говения в лагере Фишбек, длившиеся три дня. Они сопровождались ежедневными великопостными службами и беседами, где обсуждались вопросы проведения исповеди и подготовки причастников к принятию Святых Христовых Тайн [Корнилов. *На службе*, 31]. Говения завершались в среду соборным служением литургии Преждеосвященных Даров. Это, по мнению владыки, объединяло православное духовенство.

Со стороны духовенства также были предприняты некоторые миссионерские попытки. По инициативе учительницы русской

гимназии в Мюнхене Веры Петровны Крегер, эмигрировавшей из России в Германию после революции, еп. Иоанн знакомил местное немецкое население с православной верой. Владыка считал, что миссия инославным «должна проводиться не только каждым священнослужителем, но и каждым православным мирянином», и всячески ее поддерживал [Гаврилин, 300]. По благословению и под председательством еп. Иоанна (Гарклавса) 11 июля 1948 г. создается православное братство святых апостолов Петра и Павла, цель которого сводилась к приведению немецкого населения к православию «не через принятие его славянского варианта, а при помощи создания и развития своего немецкого варианта православной культуры» [Гаврилин, 300]. Заместителем председателя Петропавловского братства стал прот. Стефан Ляшевский, для которого, несмотря на различную юрисдикционную принадлежность, авторитет еп. Иоанна был непререкаем. Оказавшись в результате эвакуации в Гамбурге, о. Стефан раз в месяц совершал литургию на немецком языке, чем привлек внимание местных жителей. В результате вокруг него образовался кружок православной немецкой молодежи. Члены кружка (около 10 человек) переводили на немецкий язык православные песнопения, пели в церковном хоре, читали лекции по православной тематике и т. п. С 1949 г. по благословению еп. Иоанна о. Стефан стал совершать такие православные миссионерские службы на немецком языке в Любеке и Шлезвиге [Гаврилин, 302].

В братстве также велась издательская деятельность. На средства от пожертвований весной 1949 г. вышла тщательно отредактированная еп. Иоанном первая часть «*Handruch für Orthodoxe Christen*» («Руководства для православных христиан»), в которую вошли: молитвенник, служебник и краткий катехизис. Был издан первый номер журнала «*Orthodoxe Rundschau*» («Православное обозрение») [Гаврилин, 302], подготовлена к печати вторая часть «Руководства», однако из-за нехватки средств она так и не увидела свет.

Важно отметить, что основную задачу своей деятельности братство видело в том, чтобы познакомить с православной верой западных людей, почти не имеющих о ней представления. Епископ Иоанн Рижский писал:

Братство, в отличие от Римско-католической Церкви, вовсе не ставит своей задачей прозелитизм среди инославных: оно лишь свидетельствует об истине, предоставляя делать выводы самим инославным братьям [Гаврилин, 300].

В заключение скажем, что, несмотря на разницу национальных, культурных, социальных, политических и конфессиональных взглядов, собирающим духовным началом в жизни перемещенных лиц выступала церковь, которая укрепляла, поддерживала и давала людям надежду. Свою задачу жители лагерей *DP* видели в том, чтобы сохранить и, что наиболее важно, передать последующему поколению национальные традиции и культуру своего народа, прежде всего, православную веру. Воплощение этой задачи было бы невозможно вне контекста церковной жизни, в основе которой лежала активная деятельность православного духовенства и мирян, готовых жертвовать собой во имя Христовой любви и быть «всем для всех».

Источники

1. *Акт* = Акт комиссии о разгроме лагерной церкви в Кемптене // Кузнецов Б. М. В угоду Сталину : Годы 1945–1946. Нью-Йорк : Военный вестник, 1993. С. 145–146.
2. *Аристова* = Аристова (Терских) А. Что сохранила память : Воспоминания о жизни в Германии, 1945–1949 гг. [Сан-Франциско : изд. авт., 2004]. 415 с.
3. *Бенигсен* = Бенигсен Георгий, прот. Христос Победитель // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 127–141.
4. *Гарклавс* = Гарклавс Сергей, прот. Под сенью Тихвинской иконы. М. : ПСТГУ, 2014. 318 с.
5. *Доклад* = Доклад настоятеля русского православного храма в лагере Кемптен начальнику лагеря // Кузнецов Б. М. В угоду Сталину : Годы 1945–1946. Нью-Йорк : Военный вестник, 1993. С. 142–144.
6. *Дубина* = Дубина Н. А. Репатриация // Материалы по истории Русского Освободительного движения : Сборник статей, документов и воспоминаний. Вып. 4. М. : Архив РОА, 1999. С. 504–513.
7. *Митрофан* = Митрофан (Зноско-Боровский), еп. Хроника одной жизни : Воспоминания, проповеди. М. : Изд-во Свято-Владимирского братства, 2006. 592 с.
8. *Навроцкий* = Навроцкий А. А. Русский православный Келлерберг // Православная Русь. 1956. № 16. С. 5–7.
9. *Нафанаил. Воспоминания* = Нафанаил (Львов), архим. Воспоминания о борьбе : Краткая биография новоизбранного первоиерарха // Православная Русь. 1986. № 2. С. 3.
10. *Нафанаил* = Нафанаил (Львов), архим. Воспоминания о борьбе с насильственной репатриацией в Гамбурге в 1945 г. // Материалы по исто-

- рии Русского Освободительного движения : Сборник статей, документов и воспоминаний. Вып. 4. М. : Архив РОА, 1999. С. 514–524.
11. *Пашин* = Пашин Н. С. Из дневников пропавшего без вести // Новый журнал. 2013. № 270. С. 237–271.
  12. *Поездка* = Поездка Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия с чудотворной иконой в Австрию // Церковная жизнь. 1950. № 7–8. С. 60–68.
  13. *Полчанинов* = Полчанинов Р. В. Молодежь русского зарубежья : Воспоминания 1941–1951. М. : Посев, 2009. 416 с.
  14. *Русская* = Русская трагедия в Кемптене // Кузнецов Б. М. В угоду Сталину : Годы 1945–1946. Нью-Йорк : Военный вестник, 1993. С. 139.
  15. *С нами* = С нами Бог : Вестник храма Святого Воскресения на Фрейманне. 1946. № 9. 37 с.
  16. *Самарин* = Самарин В. Незабываемое // Православная Русь. 1970. № 11. С. 6–7.
  17. *Светлая* = Светлая радость в лагере Фишбек // Православная Русь. 1951. № 13. С. 6.
  18. *Советский* = Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : Сборник документов / М-во иностранных дел СССР. Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М. : Политиздат, 1984. 302 с.
  19. *Тальберг* = Тальберг Н. Д. К девяностолетию прот. Даниила Думского // Православная Русь. 1958. № 23. С. 5.
  20. *Тихое* = Тихое Пристанище : Духовно-просветительский сборник / Под ред. прот. Георгия Бенигсена. Герсбрук : б. и., 1947. 32 с.
  21. *Ценный* = Ценный дар // Православная Русь. 1951. № 10. С. 15.

Литература

1. *Гаврилин. Латвийские* = Гаврилин А. В. Латвийские православные священнослужители на американском континенте. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. 408 с.
2. *Гаврилин* = Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы : Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб. : «Алаборг» ; Тихвин : Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.
3. *Дипломатический* = Дипломатический словарь / Под ред. А. А. Громыко : В 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 2 : К–Р. М. : Наука, 1985. 502 с.
4. *Зайде* = Зайде Георгий, свящ. История русского православного прихода г. Кемптена. URL: <http://www.sonnenstein.net/rodnik2006/read/200806> (дата обращения: 15.05.2015).

5. *Корнилов. Духовенство* = Корнилов А. А. Духовенство перемещенных лиц : Биографический словарь. Н. Новгород : Изд-во фак-та междунар. отношений ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. 119 с.
6. *Корнилов. На реках* = Корнилов А. А. На реках австрийских : Духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг : 1945–1952 гг. Н. Новгород : Изд-во фак-та междунар. отношений ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2006. 116 с.
7. *Корнилов. На службе* = Корнилов А. А. На службе эмиграции : Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек. Н. Новгород : Изд-во фак-та междунар. отношений ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2004. 40 с.
8. *Корнилов* = Корнилов А. А. «Переправимся на ту сторону...» : Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945–1951 гг.). Н. Новгород : Изд-во фак-та междунар. отношений ННГУ им. Н. И. Лобачевского ; Мюнхен : Обитель преп. Иова Почаевского, 2011. 139 с.
9. *Кострюков* = Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. : Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М. : ПСТГУ, 2015. 488 с.
10. *Кузнецов* = Кузнецов Б. М. В угоду Сталину : Годы 1945–1946. Нью-Йорк : Военный вестник, 1993. 358 с.
11. *Полян. Депортация* = Полян П. М. Депортация советских граждан в Третий Рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского Освободительного движения : Сборник статей, документов и воспоминаний. Вып. 4. М. : Архив РОА, 1999. С. 322–411.
12. *Полян* = Полян П. М. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РОССПЭН, 2002. 896 с.
13. *Попов* = Попов А. В. Русское зарубежье и архивы : Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М. : РГГУ, 1998. 392 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. IV).
14. *Псарев* = Псарев Андрей, диакон, Бурева В. В. Братства преподобного Иова Почаевского и их роль в истории Русской Православной Церкви Заграницей // Труды Киевской духовной академии. 2012. № 16. С. 278–293.
15. *Соколов* = Соколов Е. Память его из рода в род // Место встречи — Монреаль. 2006. Октябрь. № 39. С. 12.
16. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2002. 521 с.

Y. I. Udalova

Church Life in the Displaced Persons Camps in Western Europe from 1945 to 1952

The article explores the depth and diversity of church life at the displaced persons (DP) camps in Western Europe from 1945 to 1952. The chronological framework is determined by the period of existence of the DP camps in Western Europe, whereas the geographical scope is limited to the British and American occupation zones in Austria and Germany — territories comprised by the Berlin and Germany diocese of the Russian Orthodox Church Abroad.

KEYWORDS: displaced persons, DP camps, Ostarbeiters, anti-Soviet formations, repatriation, Schleissheim, Fischbeck, Parsch, Bishop John (Garklavs) of Riga, Bishop Nathaniel (Lvov).